

В. Капустина

НЕМЕЦКО-РУССКАЯ ИНТЕРКАЛЯЦИЯ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Билингвизм и связанные с ним явления приобретают огромное значение в сегодняшнем интернационализирующемся мире, в условиях возрастания миграций населения, развития технологий коммуникации, универсализации образования. Поэтому к проблемам двуязычия привлекается внимание не только лингвистов, но и психологов, культурологов, этнографов и пр. Это связано также с общей антропоцентрической переориентацией научного знания.

Реализация процесса взаимодействия языков происходит непосредственно в сознании билингвов. В зависимости от уровня языкового влияния различают интерференцию ($Я_1 > Я_2$) и интеркаляцию ($Я_1 < Я_2$) как акты языковой мутации. Интеркаляция свойственна для соотнесенного билингвизма, когда степень владения обоими языками приблизительно одинакова; интерференция же более присуща комбинированному билингвизму, особенно на его начальной стадии. Как речевой результат языкового контакта интеркаляция изучена еще явно недостаточно. В основном исследовались иноязычные вкрапления в текст художественного произведения, использующиеся автором в стилистических целях.

В настоящей работе мы попытались рассмотреть проблемы интеркаляции на материале спонтанной речи эмигрантов из СНГ в Германии. Наша задача заключалась в установлении особенностей включения в русскую речь иноязычных компонентов и выявлении системности подобных явлений.

Материалом исследования послужили магнитофонные записи непринужденных бесед одиннадцати информантов (разного пола, возраста, рода деятельности), не менее 6 лет проживающих в Германии и в официальной обстановке использующих исключительно немецкий язык.

Прежде всего мы постарались определить степень психологической управляемости интеркаляционными элементами. По мнению А. Е. Кар-

линского, если интерференция всегда носит подсознательный характер и практически не поддается контролю говорящего, то интеркаляция прямо или косвенно контролируется сознанием билингва. Довольно часто внесение иноязычных элементов, прежде всего лексем, обусловлено потребностью в са-модемонстрации. Так, например, речь Мартина Лютера — в выступлениях перед университетскими коллегами и студентами — была густо пересыпана латынью. В то время латинский язык выполнял такие общественные функции (язык науки, образования, ораторского искусства), которые не были присущи немецкому языку. Аудитория для Лютера была двуязычным собеседником и он намеренно пытался придать своей речи на немецком языке наукообразный вид, используя латинские термины и речевые штампы. Интеркаляция в этом случае была обусловлена не только психолингвистическими, но и социолингвистическими причинами [см.: 3:128].

Действительно, билингвы часто в присутствии двуязычного собеседника используют слова из Я₂, потому что это усиливает суггестивную направленность речевого высказывания.

Вместе с тем существуют и другие причины, связанные с явлениями активации референта и спонтанной номинации. Во-первых, для речи билингвов на β₁ естественно использовать онимы из Я₂, поскольку вряд ли целесообразно их переводить в пласт иной культуры. Это касается разнообразных топонимов, а также названий праздников. Напр.: */Везде Marktplatz 'ы их знаменитые //*, *//A Savignyplatz — это недалеко от тебя //*, *//Вот если бы без Silvester-бала / ну еще можно подумать //*.

В последнем случае интеркаляция вызывается проникновением инокультурных традиций в систему языковой личности. Переключение кодов вызывает не только лингвистическую, но и ситуационную мутацию. Переход на другой язык — это, фактически, переключение на иной социокультурный тип поведения [4:135].

Т. н. "макароническая речь", состоящая из перемежающихся фрагментов на разных языках, наблюдается в диалогах, где два русскоязычных собеседника обсуждают высказывания третьего, продуцированные на немецком языке, или пересказывают содержание прочитанного по-немецки. Например:

//Значит он пришел и говорит / вы знаете что / это / keine (прав. Kein/ Wunder / значит если / Badezimmer ohne Fenster / это всегда будет этот Geruch //

Фрагмент диалога:

А.: */значит там так/открываешь например /Гент /*

Б.: */угу/*

А.: */сколько Einwohner/*

Причина интеркаляции здесь носит социолингвистический характер и отражает совмещение разноязыковых ситуаций в речевом сознании, что типично для всех эмигрантов, но проявляется в разной степени в различных социальных подгруппах.

Целеустремления эмигрантов, связанные с вхождением в новую этнокультурную среду, различны.

Одни из них, не имеющие специального образования, стремятся устроиться на работу, не предполагающую речевого общения (на конвейер, например). В этом случае они надолго остаются замкнутыми в рамках родного языка, их немецкая речь пронизана интерференционными ошибками, а интеркаляция проявляется в бытовых ситуациях (при наименовании продуктов, использовании топонимов).

Интеллигенция и их дети пытаются адаптироваться в новой этнокультурной среде, посещая различные курсы, поступая в немецкие учебные заведения, отправляясь в путешествия с немецкими туристическими фирмами. В результате в их тезаурусе целые смысловые поля оказываются вербализованными только на немецком языке. В речи людей, получивших среднее образование еще на русском языке, это прежде всего касается информатики и реалий инокультурного быта. Нами отмечено, что программисты испытывают большие затруднения в подборе конвенциональной лексики на уровне профессионального общения с монолингвом — носителем β . В речи детей и подростков практически все научные и политические термины существуют только как немецкие.

Так, например, подросток, который уже 9 лет живет в Германии и учится в немецкой гимназии, пытается рассказать русскоязычным слушателям и билингуам о начале I Мировой войны: /э-э / *in Deutschland* / ну в Германии / был *Nationalismus* / *Nationalismus* это обозначает /э-э / *Serben* хотели шоб принадлежала *Deutschland Serbische Königreich* / ну к царству//.

Таким образом, явление интеркаляции становится неподконтрольным сознанию говорящего, $Я_2$ постепенно заменяет $Я_1$. Вытеснение начинается с отдельных лексем-экзотизмов, потом распространяется на профессионализмы, позднее — на бытовую лексику и фразеологию. Причем на самых ранних стадиях возможно семантическое переосмысление слов, которые есть и $Я_1$ и в $Я_2$. Напр., бабушка спрашивает внука: // Тебе сок Викуля *оранжевый* или яблочный / какой?/, подразумевая под "оранжевым" "апельсиновый". Такие слова фактически принадлежат к двум языковым системам и одновременно ни к одной из них в полном объеме [2:166-167].

Использованию номинаций из $Я_2$ способствует их универсальность в противовес расчлененной (в виде словосочетания) номинации в $Я_1$:

в спонтанной речи человек обычно стремится к экономии речевых усилий. Напр.: /она написала *Abschiedsbrief*/ (вместо "прощальное письмо")!

На первых этапах проживания в иноязычной среде лексическая интеркалия имеет вид корневой: говорящий часто использует немецкое слово, присоединяя к нему русские суффиксы и окончания. Например: /Буль / дай мне **Erdbeer'ов** //, // а где ваша *klein'очка*? //, // он когда кушает / он может еще / **бецетку** (от **BZ** — **Berliner Zeitung**) себе купить //.

На фонетическом уровне такие вкрапления часто несут признаки интерференции. На следующем этапе практически вся бытовая лексика из тематических групп "Продукты", "Транспорт", "Обучение" и т. п. Напр.: /*Пашка щас в Realschule?* // И каждое утро / когда они меняли постели / они докладывали там пару **Beutel'ев** чая / э-э /**Zucker** / эти **Milch** / вот эти вот /.

Типичным можно считать заявление одного из информантов: / *Уже странно как-то лососем обзывать* **Lachs** //.

Использование фразеологии из Я₁ — сигнал о переходе к иному языковому коду на уровне инокультурных стереотипных высказываний и прецедентных текстов. Напр.: *За столом у одного из собеседников-билингвов бурчит в животе.*

А.: Der Magen knurrt.

Б.: Ну так ешь.

А.: Не-е /это просто такой звук /я даже забыла как это по-русски /.

Чем выше интеллектуальный уровень билингва, тем чаще интеркалия проявляется на фразеологическом уровне.

Возрастание функциональной значимости Я₂ приводит к тому, что целые синтагмы, части сложных предложений, отдельные предложения в составе дискурса говорящий порождает на исходно неродном языке. Например: // *Я не буду кушать* / **weil ich keine Zeit habe** (=потому что у меня нет времени) // //Нет / ну я имею в виду / что э-э / **sie hat zugegeben** (=она признавалась) что она покончит с собой //.

При этом, однако, ориентация на социальное доминирование немецкого языка может преобладать над психологической потребностью, и в немецких фрагментах допускается много грамматических и стилистических ошибок. Напр.: /**Diese Eindruck habe ich nicht gehabt** /м-м /хотя за ней был идеальный уход там / она на даче находилась / и там с ней носились все /.

Наряду с фонетической интерференцией в данном фрагменте можно отметить употребление стилистически неоправданного глагола **habe gehabt** (Perfekt), вместо лаконичного **hatte'**, неразличение имени существительного *Eindruck* по роду и присоединение к нему указательного местоимения в женском роде.

Таким образом, интеркаляция — это сложный процесс изменения этнокультурной ориентации языковой личности. Основной причиной интеркаляции являются как психолингвистическое стремление к экономии речевых усилий, так различные социальные причины и особенно значение функциональной нагрузки Я₂ в жизни двуязычной общности.

Количество интеркаляции прямо противоположно степени владения Я₂. Возрастание объема и структурной сложности интеркаляционных единиц свидетельствует о смене доминантности языков в сознании билингва. Именно этот момент подсознательной лингвоментальной диффузии представляет собой наиболее интересное явление с точки зрения психолингвистики и должен быть изучен более подробно.

1. **Азимов П. А., Дешериев Ю. Д., Филин Ф. П.** Проблемы двуязычия и многоязычия. — М., 1972.

2. **Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.** Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М., 1967.

3. **Карлинский А. Е.** Основы теории взаимодействия языков. — Алма-Ата, 1990.

4. **Fihmail J.** Social Bilingualism: Stable and Junctional // Language in sociocultural change. — Stanford, 1972.